

А. П. НЕПОКУПНЫЙ

СУФФИКСАЛЬНОЕ СОЧЕТАНИЕ *-av-ītjo-* В
ЗАПАДНОБАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

0. Вопрос о существовании суффиксального сочетания *-av-ītjo-* в западнобалтийских языках, насколько нам известно, до сих пор не был поставлен. В частности, Я. Эндзелин, сомневаясь в том, имеет ли долготу гласный *i* в суффиксальном *-īt-* прусских онимов, в своей монографии „Звуки и формы балтийских языков“ не привел в общем ряду с литовскими и латышскими рефлексам *-ītjo-* ни одного западнобалтийского примера¹. Вот почему, говоря о том, какие суффиксы могут следовать за *-av-* соответственно *-ev-* в структуре прусского имени, он вовсе не коснулся суффиксального сочетания в топониме *Vaudewiten*, упомянутого им в том же параграфе его „Прусского языка“². Если Я. Эндзелин в суффиксальном сочетании *-ewiten* рассматривал только первый компонент, то Г. Гурнович, исследуя прусско-польское топонимическое контактирование в Помезании, остановился лишь на второй части интересующей нас аффиксальной структуры: ср. *Gorowyten*, *Woysewite* и др.³

Таким образом, суффиксальное сочетание *-av-ītjo-* до сих пор не было предметом специального рассмотрения ни в балтийском, ни в балто-славянском языкознании, и вместе с тем не был непосредственно выделен и сам объект исследования: каждый из формантов изучался сам по себе, отдельно от другого.

Общей особенностью обоих суффиксов является то, что каждый из них имеет соответствие в славянском словообразовании: *-av-* идентичен *-ov-*, тогда как *-ītjo-* является общим по происхождению со слав. *-itje-*⁴. При этом, несмотря на сомнения Я. Эндзелина, следует подчеркнуть, что образования с графическим *-it(t)-* отмечены в западнобалтийских языках только в именах:

¹ Endzelynas J. Baltų kalbų garsai ir formos. — V., 1957, p. 97.

² Endzelīns J. Senprūšu valoda. — Rīgā, 1943, lpp. 44.

³ Górniewicz H. Das altpreussische Suffix *-īt-* und das polnische Suffix *-ic-* in Ortsnamen des preussischen Pomesaniens. — ZfSl, 1974, Bd. 19, S. 237, 239.

⁴ Endzelynas J. Op. cit., p. 70–71, 97; Sławski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego. — In: Słownik prasłowiański. Wrocław etc., 1976, t. 2, p. 59.

собственных. И как раз исследователи прусского ономастикона Г. Геруллис и Р. Траутман (на мнение которых, кстати, ссылается латышский ученый) уверенно выделили в своих материалах суффикс *-īt-*⁵. Этот же формант в географических названиях западных балтов в свое время отметил и К. Буга⁶, а уже в наши дни — В. Мажюлис⁷. Следовательно, имеется достаточно оснований, чтобы видеть в прусском графическом *-it(t)-* отражение балтийского *-ītjo-* (хотя, несомненно, факты исчезнувших западнобалтийских языков всегда сопровождаются большей степенью гипотетичности, чем живые свидетельства литовского и латышского языков).

Однако наиболее примечательной особенностью реконструируемого западнобалтийского суффиксального сочетания *-av-ītjo-* является то, что не только по своим отдельно взятым компонентам, но и по их сочленению оно имеет точную и хорошо известную параллель в славянских языках. Речь идет о том, что в соответствии с отмеченной А. Мейе тенденцией к „развитию новых, более обширных суффиксов посредством агглютинации различных элементов“, „сложный суффикс **-ov- -itje-* развился в нескольких [славянских. — А. Н.] языках для выражения отчества или фамилии: рус. *Петрович...*“⁸.

Славянский суффикс *-ov-itje-* представляет собой точную структурную параллель западнобалтийскому *-av-ītjo-*. Изучение западнобалтийско-славянской словообразовательной структуры] *-av-ītjo-/-ov-itje-* представляется весьма важным в плане как доисторических, так и исторических связей носителей соответствующих языков. Если для балтистики такое исследование может помочь восстановить некоторые балтийские лингвистические факты, которые были зафиксированы только в славянской форме, то для славистики опора на западнобалтийские параллели позволит значительно удревнить хронологию возникновения соответствующих славянских словообразовательных структур, переадресовывая ее из жизни отдельных славянских языков в праславянский период.

Ниже рассматриваются ономастические свидетельства ятвяжского, прусского и современного литовского языков.

⁵ Gerullis G. Die altpreussischen Ortsnamen. — Berlin etc., 1922, S. 257—258 (далее: АО); Trautmann R. Die altpreussischen Personennamen. — Göttingen etc., 1925, S. 181—182 (далее: АР). Здесь и ниже исследуемый суффикс приводится в той форме, в какой он представлен в соответствующих источниках.

⁶ Būga RR III 144, 148.

⁷ Mažiulis V. Prūsai. — In: Prūsų kalbos paminklai. V., 1966, p. 29.

⁸ Мейе А. Общеславянский язык. — М., 1951, с. 276, 295.

1.0. В ятвяжском ономастиконе известны три формы, которые на первый взгляд имеют чисто славянскую суффиксацию: это антропоним *Зѣбрович(ь)* в Ипатьевской летописи под 1227 г. (*Стегоутови Зѣбровичю*) и два ойконима, упомянутые там же под 1256 г. — *Корковичи* (*ста на селѣ Корковичихѣ*) и *Таусевичи* (*зажгоша Таусевиче*)⁹. Однако в свете сказанного выше следует предпринять поиски исходных словообразовательных структур приведенных онимов.

1.1. *Зѣбрович(ь)*. Ятвяжский прототип этого антропонима мог иметь две исходных формы: **Zebr-av-* и **Zebr-av-īt-*. О первой из них есть основание говорить почти с абсолютной уверенностью: ср. среди жителей Скаловии под 1411 г. был известен *Sebrow* (AP, 91), т. е. **Zebr-av-*.

Реконструкция второго варианта (**Zebr-av-īt-*) поддерживается тем, что там же и тогда же, где и когда был зарегистрирован антропоним *Sebrow*, отмечены личные имена *Kalewith* и *Manewyth* (AP, 42, 55). В обоих примерах выступает суффиксальное сочетание *-av-īt-*, поскольку, по наблюдению Р. Траутмана, перед *i* наблюдается переход *-aw->-ew-* (AP, 165).

1.2. *Корковичи, Таусевичи*. Хорошо известная в славянских языках модель образования названий населенных пунктов путем плюрализации патронима, бесспорно, имела место и здесь, т. е. **Коркович → Корковичи, *Таусевич → Таусевичи*. Если для последнего названия К. Буга предложил деривационный прототип *-ev-ītjo-*¹⁰, то форма *Корковичи* не получила словообразовательной реконструкции¹¹. Вместе с тем представляется возможным восстановить исходный антропоним **Kark-av-ītjo-*. Если опорой для реконструкции первой части суффиксального сочетания может послужить пример антропонима *Зѣбрович(ь)* (при наличии формы *Sebrow*; см. 1.1.), то для второй ориентиром для представления об исходной форме суффикса (*-ītjo-*) является запись ятвяжского ойконима *Gubiniten* в орденских документах под 1259 г.¹²

1.1–2. Непосредственным результатом рассмотрения ятвяжских летописных онимов на *-ович(и)* является вывод о том, что в этом западнобалтийском языке существовало не только суффиксальное сочетание *-av-ītjo-*, представленное в форме его древнерусского соответствия, но и антропонимический суффикс *-av-*, который не был непосредственно зафиксирован в существующем собрании ятвяжских личных имен.

⁹ См.: Полное собрание русских летописей. Т. 2. — Л.—М., 1962, с. 751, 834.

¹⁰ Būga RR III 148.

¹¹ Ibidem, p. 145. Ср. также Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь. I—K. — М. 1980, с. 232.

¹² См.: Būga RR III 144.

2.0. Г. Геруллис, впервые введший в науку вместе с большим прусским топонимическим материалом и целый ряд названий на *-awiten*, *-owiten*, *-ewiten*, первым предпринял и попытку их интерпретации (А0, 259). Однако только с опубликованием в 1925 г. работы Р. Траутмана о прусской антропонимии исследователи получили в свои руки очень важное звено в неразрывной цепи антропонимия—топонимия, отсутствие которого существенно сказывалось на решении многих проблем западнобалтийской ономастики, в том числе и рассматриваемой. Тем не менее, несмотря ни на какие успехи в интерпретации прусского ономастического материала, непреходящая ценность остается прежде всего за ним.

Корпус прусских географических названий на *-av-ītjo-*, собранных Г. Геруллисом, составляют следующие формы: *Ayslowiten*, *Baudewiten*, *Bundewith*, *Dirgowithe*, *Goltawit*, *Gorowyten*, *Lusewithe* (*Loysewiten*), *Molowyten*, *Noligowithen*, *Pallawiten* (*Pallowythen*), *Schinewite* (*Schenewiten*), *Sorbewyth*, *Sudowiten*, *Wusewiten* (*Woysewiten*), *Parsowyte* (*Parswit*).

Если этот перечень рассматривать с точки зрения локализации топонимов относительно отдельных прусских земель, то прослеживается довольно четкое распределение: Помезания — 8, Погезания — 1, Вармия — 2, Натангия — 1, Самбия — 2, Галиндия — 1.

2.1. В приведенном списке обращает на себя внимание бесспорное преобладание Помезании над другими территориями. Даже если часть топонимов, которые не удалось точно локализовать, отойдет от Помезании к соседней с ней Погезании, то и в этом случае общая западнопруская ориентация форм на *-av-ītjo-* останется весьма четкой.

Еще Р. Траутман поставил вопрос о польском влиянии на ономастикон Помезании, в том числе и среди географических названий на *-īt-* (АР, 196). В наши дни эту тему продолжил Г. Гурнович (см. выше). Сложность языковой атрибуции названий с общим балто-славянским составным формантом не вызывает сомнения. Польский исследователь прав в том отношении, что причину отождествления формантов *-īt-* и *-ic* следует искать в их употреблении в топонимии „безотносительно к актуальным и этимологическим функциям этих суффиксов в каждой из обеих [т. е. прусской и польской. — А.Н.] рассматриваемых систем. Фонетическое сходство лишь облегчало взаимную субституцию... Речь идет... о смешении польского топонимического суффикса *-ic-* с прусским суффиксом *-īt-*“¹³.

Однако то обстоятельство, что именно в Помезании наблюдается наибольшее сосредоточение прусских топонимов на *-av-īt-* (8 из 15), заставляет

¹³ Górniewicz H. Op. cit., p. 236.

искать объяснения их отношения, так сказать, с более полным польским суффиксальным образованием (-*owice*/*ewice*), а не только на уровне -*īt*:-*ic*, как это имеет место в упоминаемой статье.

2.2. Вместе с тем и на удаленных от фронтальных контактов со славянами прусских территориях — таких, напр., как Вармия или Самбия, — встречается искомый тип суффиксального сочетания, проявляющийся в весьма четком деривационном контексте. Ср. *Noligowithen* (около 1400 г., Вармия, р-н Бранево) при условии функционирования *Noligowo* (1340 г., Натангия, р-н Велавы, в обоих случаях это ойконимы), а также прусского антропонима *Nalige*, носители которого известны под 1353 и 1398 гг. в Самбии и Надравии (АО, 109; АР, 65). Итак, в интерпретации Г. Геруллуса: *Nalige* + суффикс -*ōw*- или -*av*- + суффикс -*īt*- = *Noligowithen*.

Прусские ойконимические образования типа *Noligowithen* с четкой западнобалтийской антропонимической основой прослеживаются и в других случаях. Таким является, напр., и один из двух ойконимов на -*av-īt*-, связанных с Самбией: *Sudowiten* (1353), наряду с которым на том же полуострове известно и географическое название *Sudowe*, образованное от антропонима *Sude* при помощи суффикса -*av*- (АО, 175, 176). Другая самбийская форма с искомым суффиксом — *Ayslowiten* (1400) локализуется на юго-западе полуострова, в районе современного Приморска (быв. Фишгаузен), где можно выделить свыше полутора десятка ойконимов с суффиксом -*av*-, как бы составляющих для формы с -*av-īt*- необходимый словообразовательный фон.

Несмотря на малочисленность известных самбийских ойконимов на -*av-īt*-, надежность их подтверждается со стороны апеллятивных образований. Так, именно в самбийском диалекте в том виде, как он представлен в наибольшем памятнике прусского языка — III катехизисе, или „Энхиридионе“, встречается, как отметил Я. Эндзелин, „много слов, в которых после -*av*- соответственно -*ev*- следуют другие суффиксы“, как -*ing*-, -*iska*-, их сочетание -*ingiska*-, причем отчасти такие формы имеют параллели в старославянском языке¹⁴. В развитие мысли Я. Эндзелина следует привести и высказывание В. Н. Топорова по поводу одного из приведенных латышским ученым слов: „славянские данные позволяют говорить о формах типа **gor-ev*-, **žer-av*-, весьма близких к прус. **gar-ev*-(-*ingi*)“¹⁵.

Таким образом, результаты исследований структуры апеллятивной лексики прусского языка укрепляют в уверенности о глубокой основе тех словообразовательных явлений, которые наблюдаются в западнобалтийском

¹⁴ Endzelīns J. Op. cit., p. 44.

¹⁵ Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь. Е—Н. — М., 1979, с. 167.

ономастиконе. Свойство суффикса *-av-* (в чисто деривационном плане) вступать в сочетание с другими формантами имеет место в апеллятивах и онимах на территории одного и того же диалекта прусского языка (Самбия).

Изучаемое суффиксальное сочетание *-av-īt-* оказывается глубоко связанным с целым рядом других не только чисто словообразовательных, но даже и лексико-деривационных форм, в которых обнаруживается близость западнобалтийских и славянских языков.

3.0. В отличие от свидетельств западнобалтийского ономастикона в словообразовании литовских и латышских имен собственных, за исключением одного-единственного примера, суффиксального сочетания *-av-ītjo-* обнаружить не удалось.

3.1. *Kelmavýtis*, озеро (с. Бразавас, апилинка Калвария, Капсукский р-н Литовской ССР). Это название среди известных гидронимов Литвы, содержащих суффикс *-yt-* (свыше 40), является уникальным: только в нем упомянутому форманту предшествует суффикс *-av-*, и к тому же это суффиксальное сочетание выступает в производном образовании с прозрачным этимологом *-kélmas* „пень“¹⁶. Исключительному характеру гидронима *Kelmavýtis* полностью соответствует и редкостная форма апеллятивной основы такого образования — прилагательного *kelmāvas* (от *kélmas*). Изолированность этого суффиксального производного привела к тому, что П. Скарджюс считал его возникшим по славянскому образцу¹⁷, и эта же точка зрения отражена и в академическом словаре литовского языка¹⁸. Однако Я. Эндзелин отнес лит. *kelmāvas* к примерам прилагательных с балтийским *-av-*¹⁹. В этом мнении его поддержали как факты прусского (*smonenawins* „человек“ от адъектива **zmōnenav(a)s*)²⁰, так и латышского (*vaskavs* „желтоватый“: рус. *восковой*)²¹ языков.

Окрестности Калварии — это территория, на которой проявляется ряд черт ятвяжского субстрата на юго-западе Литвы, о чем уже писали В. Савукина²² и А. Ванагас²³. В частности, было отмечено, что „ареал суффик-

¹⁶ См.: Vanagas A. Lietuvos TSR hidronimų daryba. — V., 1970, p. 179; Е го же. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. — V., 1981, p. 151.

¹⁷ Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. — V., 1943, p. 379.

¹⁸ LKŽ V 524.

¹⁹ Endzelynas J. Op. cit., p. 70.

²⁰ Ibidem.

²¹ Endzelīns J. Latviešu valodas gramatika. — Rīgā, 1951, lpp. 287.

²² Савукина Б. К проблеме западнобалтийского субстрата в юго-западной Литве. — Baltistica, 1966, t. 1 (2), p. 165—176.

²³ Ванагас А. К вопросу о языковых ятвяжских реликтах в Литве. — ABSl 1976 IX 71—79.

са *-ing-is(ė)* в юго-западной Литве является континуацией древнепрусского ареала того же суффикса“, а „центр ареала наиболее интенсивного распространения литовских патронимических фамилий с суффиксом *-уна-...* также примыкает к древнепрусскому этнолингвистическому ареалу... с адекватным суффиксом“²⁴. По-видимому, гидроним *Kelmavýtis* по его суффиксальному сочетанию *-av-ītjo-* также следует считать ятвяжским образованием, которое в ареальном плане продолжает аналогичную деривационную черту прусского языка.

В качестве более частного вывода следует указать на то, что признание ятвяжского характера гидронима *Kelmavýtis* позволяет предполагать, что в этом западнобалтийском языке существовал апеллятив, соответствующий, с одной стороны, лит. *kélmās* „пень“, а с другой — прус. *kalmus* „Stock“ (E 633).

1—3. Суффиксальное сочетание *-av-ītjo-*, будучи ятвяжско-прусским, с одной стороны, противопоставляет западных балтов восточным (литовцам и латышам), а с другой — объединяет первых со славянским языковым миром, где соответствующий формант *-ov-itje* развился для выражения отчества, фамилии, а также древних этнонимов. Наличие западнобалтийско-славянской деривационной параллели позволяет удревнить возраст обсуждаемого суффиксального сочетания, перенеся начало его формирования в праславянский период. Еще одно свидетельство совместных западнобалтийско-праславянских языковых переживаний имеет определенное значение для изучения этногенеза как балтийских, так и славянских народов.

SUFFIXALE VERBINDUNG *-av-ītjo-* IN DEN WESTBALTISCHEN SPRACHEN

Zusammenfassung

Die balto-slawischen suffixalen Entsprechungen *-av-/-ov-* und *-ītjo-/-itje-* bilden die Verbindungen nicht nur in den slawischen Sprachen, was bereits gut bekannt ist, sondern auch in den westbaltischen (Altpreussisch und Jatwingsisch), wobei sie in den ostbaltischen Sprachen fehlen. Die Feststellung der westbaltischen Entsprechung weist auf den urslawischen Charakter dieser gegenwärtigen slawischen suffixalen Verbindung hin.

²⁴ Савукинас Б. Указ, соч., с. 172,